

Анна
Матвеева

Анна
Матвеева

Каждые СТО ЛЕТ

Роман с дневником

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М33

Художественное оформление — *Владимир Мачинский*

Матвеева, Анна Александровна.

М33 Каждые сто лет : роман с дневником / Анна Матвеева. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2022. — 758, [10] с. — (Проза Анны Матвеевой).

ISBN 978-5-17-134082-7

Анна Матвеева — автор романов «Перевал Дятлова, или Тайна девяти», «Завидное чувство Веры Стениной» и «Есть!», сборников рассказов «Спрятанные реки», «Лолотта и другие парижские истории», «Катя едет в Сочи», а также книг «Горожане» и «Картинные девушки». Финалист премий «Большая книга» и «Национальный бестселлер».

«Каждые сто лет» — «роман с дневником», личная и очень современная история, рассказанная двумя женщинами. Они начинают вести дневник в детстве: Ксеничка Лёвшина в 1893 году в Полтаве, а Ксана Лесовая — в 1980-м в Свердловске, и продолжают свои записи всю жизнь. Но разве дневники не пишут для того, чтобы их кто-то прочёл? Взрослая Ксана, талантливый переводчик, постоянно задаёт себе вопрос: насколько можно быть откровенной с листом бумаги, и, как в детстве, продолжает искать следы Ксенички. Похоже, судьба водит их одними и теми же путями и упорно пытается столкнуть. Да только между ними — почти сто лет...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-134082-7

© Матвеева А.А.
© ООО «Издательство АСТ»

*Светлой памяти моей бабушки
Ксении Михайловны Лёвиной*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ксана и Ксеничка

Обстоятельства не имеют большого значения, вся суть — в характере; тщетно порываем мы с предметами и существами внешнего мира, порвать сами с собой мы не можем. Мы меняем своё положение, но в каждое из них мы переносим те муки, от которых надеялись избавиться, а так как перемена места не исправляет человека, то оказывается, что мы только присовокупляем к сожалениям угрызения совести, а к страданиям — ошибки.

БЕНЖАМЕН КОНСТАН. «АДОЛЬФ»

(перевод А. Кулишер)

Как известно, кто счастлив, молчит.

РОБЕРТ ВАЛЬЗЕР

(перевод С. Апта)

УТОПЛЕННИЦА

Полтава, май 1893 г.

Я некрасива и знаю это.

Для девочки быть некрасивой — обидно, сознавать такое тоже невесело. Тебе всего девять, а ты уже точно знаешь, что не вырастешь в красавицу...

У меня треугольное бледное лицо. Излишне пухлые губы. Глаза — серые, это неплохо, создаёт контраст с тёмными длинными волосами. Волосы заплетают в косу, но они пушистые, выбиваются. И самое ненавистное — нос. Большой, неизящной формы: не нос, а целое испытание, которое, как говорит мама, «придётся переживать до конца своих дней».

При этом я не урод, всего лишь некрасива, и родители меня всё же немного любят. Я младшая дочь действительного статского советника Михаила Яковлевича Лёвшина. Мы не бедны, но вовсе не богаты, и об этом тоже не следует забывать.

Наша знакомая, Елена Фёдоровна Абаза, видит, что я некрасива, но всякий раз пытается сказать что-то приятное. Папа произносит ей комплименты и целует ручки.

— Ксеничка напоминает мне Офелию, — говорит Елена Фёдоровна.

Отец переспрашивает:

— Кого напоминает?

— Невесту Гамлета.

Я побежала к маме, она готовила посуду для чая.

— Кто была Офелия? Принцесса?

— Откуда ты её взяла?

— Елена Фёдоровна сказала, я на неё похожа.

— О господи! Выдумают же! Офелия была красавица, а ты дурнушка.

— А почему Елена Фёдоровна сказала?

— Вот уж не знаю почему.

— А Офелия вышла замуж за Гамлета?

— Она сошла с ума и утонула в ручье!

ИН ДЕР ШВАЙЦ

Свердловск, июнь 1980 г.

— Ин Франкрайх. Ин Индиен. Ин Полен. Но! Ин дер Швайц!

Быля швыряет на стол зелёный словарь. Поднимает и снова швыряет. Странички всхлипывают. Я тоже.

— Ин! Дер! Швайц!

Мне десять лет. Я *беспросветно глупа, да ещё и без памяти.*

Платье у Были — в крупную мутную клетку. Меня от этой клетки подташнивает. Минутная стрелка настенных часов халтурит. А часовая вообще не работает.

Моя бабушка, как утверждает папа, знала немецкий *в совершенстве.* Бабушка давно умерла, я никогда её не видела, но сказала, что буду учить этот язык, и у папы тогда слёзы стояли в глазах без всякого смеха.

Теперь немецкий мне надоел. Но мама говорит, что надо быть последовательной. Поэтому — *Ии! Дер! Швайц!*

К счастью, Быля приходит только два раза в неделю.

ЛЪВИНЫЙ КАМЕНЬ

Полтава, июнь 1893 г.

Отец гордится своим происхождением и требует, чтобы мы тоже им гордились. «Ваши предки легли на Куликовом поле!» Лёвшины были столбовые дворяне по Шестой родословной книге, записаны наравне с Рюриковичами и другими славными фамилиями.

Про чужих предков — всегда скучно, другое дело — свои. Наш род пошёл от немецкого рыцаря Сувола Лёвенштейна, также его называли Сцеволом, как Гая Муция, который стерпел боль, вложив руку в горящий на алтаре огонь. Как же ему подходит это имя — Муций! В нём звучат муки — непритворные, истинные.

Наш Сцевол был младший брат феодального графа Кальвского, родом из Швабии. Папа римский Урбан невзлюбил Сцевола за «прилепление предков своих к цесарям швабского дому», и тот отправился искать лучшей доли сначала в Ригу, а затем в Северо-Западную Русь. В Россию Сцевол Лёвенштейн — фамилия переводится как «Львиный камень» — прибыл в 1365 году, и с ним было двенадцать рыцарей.словно Зигфрид в сверкающих латах, он явился в Новгород. И стал зваться Суволом Левшой. Или Лёвштиным. Но русскому языку трудно выговорить «Лёвштин» — вот так мои предки стали Лёвшинами.

А дальше славному роду дворянскому, о котором нам так долго и внушительно рассказывает отец, предстояли многие подвиги.

НАЙДИ ПЯТЬ ОТЛИЧИЙ

Свердловск, июль 1980 г.

Я точно знаю, что отличаюсь от других, и мне это не нравится. Мне хочется быть такой же, как моя подруга Варя, которую папа один раз назвал обидным и почему-то привлекательным словом «мещаночка». Варя знает, что я пытаюсь к ней подделаться, поэтому мы часто ссоримся. Вот и вчера тоже. А тут ещё этот немецкий... Быля уже пыхтит, поднимаясь по лестнице. Хоть бы раз опоздала, но она *pünktlich*. Вообще-то сейчас лето, каникулы, но мы занимаемся. Былю не собьёшь с толку солнечным светом. А я теперь больше хочу учить французский.

Мама сегодня плакала — умер Высоцкий. У меня есть его маленькая пластинка с четырьмя песнями, которые я очень люблю. И большая «Алиса», где он поёт за Додо вкрадчивым голосом. Я тоже плачу, но как-то не всерьёз: мне не верится, что Высоцкого больше нет. Его портрет висит у Вари дома на стене, потому что её папа — он носит очень неприятную бороду, за которую ужасно хочется дёрнуть, — обожает Высоцкого. Наверное, он сейчас тоже плачет.

Жаль, что в каникулы нет занятий в музыкальной школе. Вот по кому я скучаю, так это по Луизе Акимовне. Она не то что Быля! У неё душистые маленькие ручки в кольцах. Кольца стучат по клавишам. А Быля орёт, что я неправильно сделала *Hausaufgabe*.

Я как будто слушала немку, а сама под столом разглядывала журнал. «Сравни две картинки, найди пять

отличий». Быля объясняла, как заучивать глаголы, а сама смотрела на столик трельяжа, где у мамы косметика: крем «Балет», тушь «Ленинградская», духи «Пани Валевска».

Первое отличие: у мальчика на левой картинке есть ружьё, а у мальчика на правой — нет. Второе: зайчик на левой картинке серый, а на правой — белый. Остальные я найти не успела: Быля выудила журнал с моих колен и так завопила, что с кухни прибежала мама.

Быля отказывается заниматься с этим ленивым ребёнком. У неё сотни тысяч предложений от заинтересованных родителей. Дети там все трудолюбивые, как на подбор, сознательные и думают о будущем. Да ещё за такие деньги стараться — была бы охота... Тут Быля собирается заговорить о повышении платы за урок, но я успеваю сказать первая:

— А вы брали мамин крем, я видела!

Она правда брала — «Балет» стрелял ей в щёку длинным бежевым плевком. Размазывала его торопливо, кокетливо посматривая на себя в зеркало... Теперь Быля на глазах стала белой, как зайчик на правой картинке, никакой крем не поможет. Она даже не догадывается, как брезглива моя мама! Тема немецкого языка закрыта. Мама провожает Былю до дверей в последний раз — и дарит тот самый тюбик крема на прощание.

Теперь я совершенно одна. Буду вести дневник и записывать всё, что приходит в голову. Толстая тетрадь у меня как раз есть.

Чем я отличаюсь от других людей?

1. Люди любят вещи. А я — музыку.

2. Варю её мама чмокает в губки вот так: «Муа! Муа!» У нас такое не принято. Я бы хотела, чтобы мама меня тоже целовала и звала Ксеничкой, а не Ксаной.

3. Все верят в любовь, а я никогда не поверю!

4. У меня руки-крюки, я не могу научиться даже самым простым вещам — вязанию или вышивке.

Пятое отличие я не могу доверить даже дневнику. Потому что никто не ведёт дневник, не думая при этом, что он может попасть в чужие руки. Дневники ведут для того, чтобы их кто-то прочёл.

КУРСКАЯ ЛИНИЯ

Полтава, август 1893 г.

Я могла бы родиться в другой семье, в ином роду. Или в нашем же, но не захудалой курской линии, а знаменитой тульской — к ней принадлежала любимая фрейлина Екатерины II, «черномазая Лёвушка». «Вы, школы Лёвшина птенцы» — так сказано в «Евгении Онегине» об одном моём предке по тульской линии. Почему я — это именно я?

Каждое утро просыпаюсь и думаю о том. А начала так делать в Полтаве, куда мы переехали из Ловича. В Полтаву прибыли ночью в карете под названием *фаэтон*. Шёл сильный дождь, было очень темно, в Ловиче так не бывало.

Я родилась в Царстве Польском, в городе Влоцлавск-на-Висле, а в Лович мы переехали через два года. Приятно произносить это слово — Лович... Оно мне напоминает фамилию красивого офицера, хотя Генчик сказала бы, что рано мне ещё заботиться о красивых фамилиях.

Мне нравятся названия городов: некоторые звучат как музыка. Вот, к примеру, «Полтава» — это удар колокола. Пол-л-лтава, тава!

Из фаэтона я не увидела ни города, ни людей. Только раз отец сказал:

— Мост через Ворсклу. — И добавил: — Дорога идёт в гору.

Впоследствии я долго искала взглядом какую-то гору; мне даже в голову не пришло, что это всего лишь такое выражение.

ДУХ МОЙ

Свердловск, сентябрь 1980 г.

Ксеничкины дневники я нашла случайно и никому об этом не рассказывала. Они лежали в стенном шкафу, в крапивном мешке. Это я слышала у папы в музее: «После него осталось два *крапивных мешка* рукописей». Это значит, мешки большие, толстые, серо-коричневого цвета. В моём мешке — аккуратно перевязанные стопки вроде тех, что готовят под переезд. Сначала я подумала, это мамины школьные тетради, но они были уж слишком старые.

Я начала читать не с той тетради, что была сверху, а с той, которую мне удалось выудить из перевязанной шпагатом пачки так, чтобы не пришлось распутывать узел. Потом-то я, конечно, распутала его и теперь развязываю и связываю заново нужную пачку. Некоторые записи — немыслимая вещь! — на французском языке.

Автор дневника — я не сразу сообразила, что это моя бабушка, в честь которой меня назвали, — пишет очень интересно, жаль, что иногда речь идёт о не совсем понятных мне вещах. Я всё равно пытаюсь их понять и мучаюсь, что нельзя спросить у мамы или папы, ведь мне никто не разрешал совать нос в чужой мешок.

Папа редко сердится на меня, но если сердится, то всегда повторяет одну и ту же обидную фразу: